

6. Bushuev I. A. Novoe v ispravitel'no-trudovom zakonodatel'stve [New in the correctional labor legislation]. Moscow, 1970. (In Russ.).
7. Govoruhin E. H. A. Organizatsiya rezhima v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh : ucheb. posobie dlya slushatelej vuzov MVD SSSR / pod red. A. E. Natasheva [Organization of the regime in correctional labor institutions: a tutorial for students of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR : ed. by A. E. Natashev]. Ryazan, 1987. (In Russ.).
8. Zahcer E. M. Sredstva obespecheniya rezhima v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh : dis. ... kand. yurid. nauk [Means of ensuring the regime in correctional labor colonies : the diss. ... PhD. in Law]. Tomsk, 1973. (In Russ.).
9. Karetnikov I. V. Harakteristika prestuplenij, sovershennykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh koloniyakh : ucheb. posob. [Description of crimes committed by convicts in correctional labor colonies: textbook]. Moscow, 1986. (In Russ.).
10. Kozachenko B. P. Kommentarij k st. 82 UIK RF [Commentary to article 82 of the criminal Executive code of the Russian Federation]. Postatejnyj kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu v Rossijskoj Federacii (po sost. na 1 sentyabrya) – Article-by-article commentary to the criminal Executive code in the Russian Federation (as of 1 September). Moscow, 2007. (In Russ.).
11. Kozlov P. P. K voprosu ob osnovnykh sredstvakh i metodah obespecheniya rezhima otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [On the question of basic means and methods of ensuring the regime of serving the sentence of deprivation of liberty]. Problemy dal'nejshego ukrepleniya socialisticheskoj zakonnosti v deyatel'nosti OVD po preduprezhdeniyu pravonarushenij. Vyp. 2 – Problems of further strengthening of socialist legality in the activities of the internal Affairs bodies for the prevention of offenses. Iss. 2. Kiev, 1977. (In Russ.).
12. Kozlov P. P. Rezhim i sredstva ego obespecheniya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [Regime and means of its provision in correctional labour institutions.]. Ryazan, 1978. (In Russ.).
13. Krymov A. A. Proizvodstvo doznaniya v uchrezhdeniyakh UIS Minyusta Rossii : ucheb. posobie [Production of inquiry in institutions of the Ministry of justice of Russia : tutorial]. Vologda, 2002. (In Russ.).
14. Medvedev S. I. Rassledovanie ubijstv i prichinenij telesnykh povrezhdenij v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [The investigation of the murders and picinini injuries in correctional labour institutions]. Ryazan, 1987. (In Russ.).
15. Minakov YU. A. Rezhim lisheniya svobody i sovershenstvovanie pravovykh mer bor'by s ego narusheniyami [The regime of deprivation of liberty and improvement of legal measures to combat its violations]. Problemy ukrepleniya rezhima v ITU : sb. nauch. tr. – Problems of strengthening the regime in the in correctional labor institutions : collection of scientific papers. Moscow, 1987. (In Russ.).
16. Mihlin A. S., Brilliantov A. B., Metelkin M. B. Zlostnoe nepovinovenie trebovaniyam administracii ispravitel'no-trudovogo uchrezhdeniya : ucheb. posobie [Willful disobedience to the requirements of the administration of correctional labor institution : tutorial]. Moscow, 1998. (In Russ.).
17. Sadreev K. SH. Rezhim lisheniya svobody i sredstva ego obespecheniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Regime of deprivation of liberty and means of ensuring it : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 1983. (In Russ.).
18. Speranskij I. A. Osnovnye voprosy ispravitel'no-trudovogo prava [The main issues of correctional labor law]. Moscow, 1976. (In Russ.).
19. Struchkov N. A. Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu. [Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov, 1970. (In Russ.).
20. Utevskij B. S. Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika [Soviet corrective-labour policy]. Moscow, 1934. (In Russ.).
21. SHamis A. V. Osnovnye sredstva vozdejstviya na osuzhdennykh i mekhanizm ih realizacii : monogr. [The main means of influence on convicts and the mechanism of their implementation: monograph]. Domodedovo, 1996. (In Russ.).
22. SHuruhnov N. G. Faktory, vliyayushchie na rassledovanie prestuplenij, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh [Factors affecting the investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions]. Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya dostizhenij nauki i tekhniki v rassledovanii prestuplenij organami vnutrennih del – Topical issues of the use of science and technology in the investigation of crimes by the internal Affairs bodies. Moscow, 1990. (In Russ.).

УДК 93/94: 343.242

Особенности оформления правового статуса тюремного храма в современной России

А. Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

Реферат

В статье ставится задача выявить потенциал для законодательного оформления статуса тюремного храма в связи с тем, что в настоящее время процесс учреждения культового сооружения в местах лишения свободы не имеет единого правового регулирования, сложилась лишь общая практика сотрудничества территориальных управлений ФСИН России с местными епархиями.

Кроме того, автором рассматриваются социально-правовые условия и возможности для учреждения культовых сооружений в местах лишения свободы. Это вызвано увеличением количества верующих, стремлением государства придать рели-

гиозной жизни более организованный и контролируемый характер. Тюремный храм как элемент внедрения новых форм работы является инструментом ресоциализации осужденных. Необходимость учреждения тюремного храма вызвана переходом отечественной уголовно-исполнительной системы на международные пенитенциарные стандарты, закрепляющие требование соблюдения права осужденных на свободу совести и вероисповедания.

Также проанализированы нормативно-правовые акты, регламентирующие создание культового сооружения в местах лишения свободы, на их основе сформулированы требования (условия) к данному процессу, отражены наиболее проблемные вопросы его правовой регламентации.

Ключевые слова: конфессиональная политика; тюремный храм; право осужденных на свободу вероисповедания; религиозная организация; функции тюремного храма; тюремное храмостроительство; причины строительства культовых сооружений; требования к учреждению тюремного храма.

Features of the legal status of the prison church in modern Russia

A. R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

Abstract

The article aims to identify the potential for legislative registration of the status of a prison church due to the fact that at present the process of establishing a religious building in places of deprivation of liberty does not have a single legal regulation; there was only a common practice of cooperation between the territorial departments of the Federal Penal Service of Russia and local dioceses.

In addition the article discusses the social and legal conditions and opportunities for the establishment of religious buildings in places of detention. They are due to the increase in the number of spirituals, the desire of the state to make religious life more organized and controlled. The prison church is a tool for the re-socialization of convicts as an element of the introduction of new forms of work. The need to establish a prison church is caused by the transition of the domestic penal system to international penitentiary standards, enshrining the requirement of respect for the rights of convicts to freedom of conscience and religion.

Also there are analyzed legal acts regulating the creation of religious buildings in places of detention. On their basis the requirements (conditions) of creating a prison church are formulated. The most problematic issues of the legal regulation of the creation of a religious building in a correctional institution are reflected.

Keywords: confessional policy; prison church; the right of convicts to freedom of religion; religious organization; the functions of the prison church; prison church building; reasons for the construction of religious buildings; requirements for the establishment of a prison church.

Общей тенденцией развития современной уголовно-исполнительной системы России стало повсеместное строительство храмов при исправительных учреждениях. По состоянию на 1 февраля 2018 г. их численность составила 698 культовых объектов, которые использовались по прямому назначению [6]. Несмотря на погрешности статистики, неоспоримым фактом является общее признание серьезного влияния религии на исправление личности осужденного.

Быстрое возведение тюремных храмов в постсоветский период было обусловлено множеством внутренних и внешних об-

стоятельств, но прежде всего связано с модернизацией уголовно-исполнительной системы и переходом ее на европейские стандарты. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г. фигурировали различные причины ее реформирования: стабильно высокое количество содержащихся под стражей, переполненность учреждений, неэффективность действующих воспитательных методик по работе с осужденными. Решение этих проблем связывалось с реализацией целого комплекса мер: совершенствованием основных направлений, форм и методов рабо-

ты с осужденными путем взаимодействия с институтами гражданского общества, гуманизацией наказания, повышением гарантий соблюдения прав осужденных в соответствии с международными стандартами. Кроме того, в работе с осужденными предлагалось «активизировать взаимодействие с традиционными конфессиями, обеспечить осужденным возможность участия в религиозных обрядах, реализовать совместно с традиционными конфессиями гуманитарные проекты» [10].

Религиозный аспект концепции имеет принципиально важное значение. Его содержание включает в себя создание и обустройство тюремных храмов, деятельность которых рассматривается как элемент либерализации уголовно-исполнительной политики. Вместе с тем можно обнаружить и иные причины роста современного тюремного храмостроительства.

Во-первых, появление культового учреждения дает возможность более организованно обеспечить соблюдение права осужденного на свободу вероисповедания. Проведение обрядов в храме позволяет привлечь максимальное количество верующих, что особенно важно с учетом жестких требований режима содержания под стражей. В иных условиях (вне храма) священник не может охватить своим вниманием всех нуждающихся в духовном окормлении в силу временных и физических ограничений. С учетом того что количество осужденных, нуждающихся в религиозной поддержке, постоянно растет, открытие новых культовых сооружений вполне оправдано.

Наиболее активно тюремные храмы посещают женщины: 88 % осужденных женщин верят в Бога и участвуют в богослужении. У мужчин данный показатель находится в границе 70 % [18, с. 20, 37–38]. Очевидно, что культовые учреждения превращаются в важнейший инструмент ресоциализации осужденных, поскольку выполнение религиозных требований базируется на переосмыслении представлений об окружающем мире и более глубоком осознании общественных ценностей. На наш взгляд, в концепции следовало бы более комплексно отразить вопросы взаимодействия пенитенциарных учреждений с конфессиональными организациями по строительству и организации деятельности культовых сооружений.

Во-вторых, создание храмового сооружения позволяет предотвратить процесс стихийной религиозной самоорганизации осужденных, формы проявления которой

могут иметь непредсказуемый характер и приводить к латентной эскалации. Об опасности религиозной радикализации заключенных предупреждают многие исследователи. В основе выводов лежит анализ современного контингента осужденных с целью выявления скрытых угроз [15; 1]. Религиозная радикализация заключенных является серьезной проблемой для многих стран, при этом предлагаются различные способы ее решения: от полной изоляции экстремистки настроенных заключенных до применения различных специальных воспитательных средств [8]. Очевидно, что большая часть имеющихся средств не оправдывает себя, поскольку изменить волевые установки личности достаточно сложно. В этой связи появление культовых сооружений в местах лишения свободы позволило бы координировать поведение верующих, способствовало бы предупреждению внутренних конфликтов на религиозной почве.

В-третьих, храм является местом мощного духовного (и психологического) воздействия. Не умаляя роль личных встреч священнослужителя с осужденными, надо признать, что воспитательный эффект от участия осужденных в богослужении непосредственно в храме гораздо выше. Этому способствует эстетика культового сооружения, его атрибуты, процедура совершения обряда. Храм становится своеобразным социальным мостом между осужденным и внешним миром, посредством которого он общается не только с Богом, но и с близкими людьми. Восприятие ценностей добра и справедливости, понятий греха и наказания становится острее и значимее в момент пребывания в храме. Соответственно, формирование положительных установок осужденного идет гораздо быстрее.

Значение храма в жизни осужденных подтверждает сложившаяся практика сотрудничества ФСИН России с конфессиональными организациями. Согласно опросам осужденных, 67 % из них раскаялись в совершенном преступлении, и большую роль в этом сыграла религия [18, с. 15].

Не менее важна и образовательная функция храма. В настоящий момент действует 265 воскресных школ, где обучается свыше 11 тыс. осужденных [4, с. 37]. Как правило, воскресные школы функционируют при тюремных храмах.

В-четвертых, появление храма дисциплинирует и сотрудников учреждения. Любой тюремный храм ориентирован на широкий круг лиц, связанных с деятельностью уч-

реждения. Посещение храма повышает социальную ответственность, является своеобразным маркером причастности человека к национальной культуре. Именно поэтому дореволюционное законодательство разрешало посещать тюремные храмы всем членам семьи тюремного персонала. В советский период, когда все церкви в местах лишения свободы были закрыты, центрами воспитательной работы стали специально оборудованные помещения, в которых заведующие учебно-воспитательной частью старались безуспешно поднять уровень политического сознания заключенных. С распадом советской модели государства стало возможным вернуться к религиозным формам воздействия, тем более что к этому времени право осужденных на свободу вероисповедания уже рассматривалось в контексте требований международного права [7; 5].

Понимание взаимных интересов церкви и государства в пенитенциарной сфере проявилось достаточно быстро и стало обретать соответствующие правовые формы. Уже в 1999 г. между Минюстом России и Русской православной церковью было заключено соглашение, которое предусматривало строительство 72 культовых объектов, а также оказание религиозной поддержки не только осужденным, но и сотрудникам уголовно-исполнительной системы [14].

Можно выделить и другие обстоятельства, заставляющие государство пересматривать отношение к конфессиональной политике в целом и поддерживать современное тюремное храмостроительство в частности [12].

Необходимость строительства тюремного храма имеет под собой вполне объективную социально-правовую основу, обусловленную реформированием уголовно-исполнительной системы. Однако трудность достижения поставленной цели связана с ментальностью правоохранителей. Несмотря на провозглашенный курс на либерализацию отечественной пенитенциарной системы и внешнее приближение ее к европейским стандартам, существуют серьезные расхождения в понимании обществом и государством базовых аспектов наказания. Как справедливо отмечает профессор В. А. Уткин, уголовно-исполнительная политика России традиционно исходит из карательной составляющей режима, а тюрьма понимается как средство наказания, устрашения и обеспечения безопасности, тогда как международная интерпретация тюремного заключения гораздо более

широка [7, с. 67–69]. Во многом это объясняется сложившимся стереотипом восприятия пенитенциарной системы как института, ориентированного главным образом на наказание, а не на обеспечение интересов личности и общества. Отсюда недостаточное внимание к правам осужденных со стороны как сотрудников пенитенциарной системы, так и общества в целом [2, с. 3]. В этой связи надо понимать, что какое бы ни было культовое сооружение, его деятельность будет сведена к нулю в условиях чрезмерной (мелочной) регламентации, когда право на участие в богослужении будет рассматриваться (де-факто) как поощрительная мера, которую надо еще заслужить.

Современный процесс возведения тюремных храмов отчасти напоминает практику тюремного храмостроительства второй половины XIX столетия, поскольку контуры взаимодействия тюремного ведомства с Русской православной церковью оформлялись именно тогда [11]. Однако в тот период данный процесс был более упорядочен, а правовой статус тюремного храма имел законодательное закрепление.

Основой для учреждения тюремных церквей в современный период является положение о разрешении проведения культовых обрядов в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также указание на то, что для религиозных обрядов могут быть использованы здания и строения, которые исторически использовались для этих целей [9]. Последнее замечание является важным, но не существенным, поскольку зданий тюремных церквей практически не сохранилось. Тем более такая реорганизация сопряжена с большими трудностями, поэтому администрации учреждения целесообразнее инициировать строительство нового культового объекта.

Правовой основой для возведения тюремной церкви являются законодательные акты, которые в самом общем виде предоставляют администрации учреждения право на строительство культового сооружения. Данное право обеспечивается ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и УИК РФ 1997 г., в котором содержится рекомендация администрациям мест лишения свободы выделять на их территории здания (сооружения и помещения) для проведения религиозных обрядов (ст. 14.4).

Акцентируем внимание на двух принципиальных моментах: добровольном характере реализации инициативы о постройке

культового сооружения и равнозначности строительства тюремной церкви выделению помещения для этой цели. С последним положением трудно согласиться, поскольку строительство церкви и выделение молитвенного помещения – это совершенно разные в техническом и финансовом отношении проекты. Законодатель вполне обоснованно аргументирует свою позицию «наличием соответствующих условий» для строительства (ст. 14.4 УИК РФ). Закон не разъясняет содержание данной оговорки, но по сложившейся мировой практике к таким условиям относятся: конфессиональный состав тюремного населения, учет интересов религиозных меньшинств, общее количество осужденных, технические и организационные возможности режимного объекта, заинтересованность и поддержка официальных религиозных организаций, наличие источников финансирования, инициатива тюремной администрации. Если соответствующие условия для учреждения тюремного храма отсутствуют, то администрация может выделить специальное помещение для совершения молитв или ограничиться приглашением местного священника по мере необходимости.

Еще одним не менее важным источником являются соглашения между ФСИН России и официальными церковными организациями. В частности, соглашением между ФСИН России и Московской патриархией (2011 г.) предусмотрены взаимные обязательства сторон по строительству храмов. Федеральная служба исполнения наказаний берет обязательство по «содействию строительству храмов, часовен, выделению помещений под молитвенные комнаты исходя из существующих возможностей». Русская православная церковь «принимает посильное участие в сооружении в учреждениях УИС православных храмов и часовен, молитвенных комнат, обеспечивает... духовной литературой и предметами религиозного назначения» [13, ст. 3.1, 4.2].

В 2016 г. приказом Министерства юстиции Российской Федерации были утверждены Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями, в которых все вопросы сотрудничества были помещены в рамках правового поля [16, с. 78]. Ранее этот процесс носил более свободный характер и вытекал из общего тезиса государственной

политики о необходимости развивать отношения с общественными организациями по обеспечению прав осужденных и контролю за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы. Поэтому наблюдались значительные расхождения в соглашениях между управлениями и религиозными организациями на территориальном уровне. С 2016 г. соглашения стали иметь типовую (строгую) форму, которая предусматривала перечень обязательных вопросов, подлежащих обоюдному согласованию. Новеллы уточняли статус культового сооружения. Все объекты религиозного назначения (помещения, здания) подлежали строгой фиксации, носившей описательный характер: указывались форма культового сооружения, адрес, количество помещений, занимаемая площадь, кадастровый номер (при наличии), перечень предметов культа храма, график проведения служб. Отдельным положением прописывались права и обязанности централизованной религиозной организации, в ведении которой находились культовые сооружения.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство содержит обобщенные положения, предваряющие начало строительства культового учреждения в местах лишения свободы. Они, к сожалению, не отражены в едином перечне требований, но анализ нормативно-правовых актов позволяет выделить несколько основополагающих условий:

1) право на учреждение культовых сооружений может быть предоставлено только на основании принятого официального соглашения между управлениями ФСИН России и религиозными объединениями (например, епархиальным управлением Русской православной церкви или территориальным управлением мусульман). Территориальные органы ФСИН России могут самостоятельно заключать соглашения о взаимодействии с официально зарегистрированными религиозными организациями. В соглашении, как правило, должен оговариваться комплекс вопросов совместной деятельности. Непосредственно требования к содержанию основных положений соглашений утверждаются руководящим органом ФСИН России [10]. Заметим, что практически во всех имеющихся на текущий момент соглашениях между территориальными управлениями ФСИН России и местными епархиями имеются положения, связанные с возможностью строительства храмовых зданий;

2) в качестве второй стороны соглашения могут выступать только зарегистрированные религиозные организации (а не религиозные группы). Церковные организации берут на себя определенные обязательства по осуществлению богослужения, внутреннему обустройству культового сооружения. Религиозные организации обладают правом учредительной инициативы, которую предваряет длительное посещение конкретного учреждения священником. После совместного обсуждения вопроса с администрацией учреждения складывается общее решение о целесообразности такой постройки. Религиозные группы таким правом не обладают;

3) религиозные организации, при участии которых учреждаются тюремные церкви, должны быть централизованными, то есть иметь территориальные отделения (не менее трех местных организаций). Помимо традиционных конфессий (православие, ислам) к ним относятся те религиозные объединения, влияние которых на российских граждан является значительным (католики, протестанты), либо которые за постперестроечные годы сумели усилить свое положение и юридически оформились в самостоятельные структуры. В число профессиональных централизованных организаций, которые имеют культовые объекты в исправительных учреждениях, входят христианские (православные и католические), мусульманские и буддийские. Доминирующее положение занимают православные храмы – 624 объекта (89 %), далее следуют культовые сооружения ислама – 61 объект (8,7 %), 10 буддийских храмов (1,4 %) и 3 католических костела (0,7 %) [6];

4) культовое помещение должно находиться на территории учреждения в целях обеспечения необходимой изоляции и недопущения случаев побега. Требование вполне обосновано, поскольку оптимально позволяет соблюдать установленный режим содержания осужденных. Например, существовавшая в XIX в. практика посещения заключенными ближайшей к тюрьме приходской церкви не оправдывала себя, поскольку нарушала привычный ритм богослужения прихожан, требовала дополнительные средства охраны. Вместе с тем культовый объект может быть возведен и вне территории учреждения. Такие молитвенные помещения, например, существуют при учреждениях ГУФСИН по Приморскому краю [3, с. 46–47]. Но они являются скорее исключением;

5) тюремные храмы должны быть оборудованы соответствующим образом, то есть обеспечивать возможность изоляции при большом скоплении осужденных, иметь технические средства для предупреждения побега.

Следует обратить внимание, что указанные требования опираются на сложившийся мировой опыт и отечественную практику взаимодействия исправительных учреждений с религиозными организациями. Основными документами являются соглашения о сотрудничестве ФСИН России с ведущими конфессиональными организациями. Они периодически пересматриваются и дополняются. В каждое последующее соглашение о сотрудничестве вносятся изменения, касающиеся деталей учреждения тюремного храма. Практика такова, что инициатором храмостроительства выступает администрация учреждения. Она опирается на помощь осужденных и местной епархии.

Сложившийся порядок оформления тюремного храма в России учитывает требования международного права и в определенном смысле является новаторским, поскольку в отличие от Минимальных стандартов обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы (2015 г.)) более полно отражает условия учреждения культового сооружения. Европейский подход имеет более утилитарный смысл: допускается создание единого культового сооружения для представителей различных конфессий с возможностью использования его в качестве площадки для развлекательных и тематических мероприятий. В Российской Федерации каждое религиозное объединение создает сооружение, предназначенное исключительно для представителей собственной конфессии. Эффективность мер религиозного воздействия на осужденных в данном случае значительно выше.

Вместе с тем серьезным вопросом, требующим законодательного оформления, является установление единой процедуры строительства храма (бюджет, источники, конкретные обязательства сторон). На текущий момент не установлены и критерии учреждения тюремного храма. В качестве таковых могут выступать: численность осужденных, численность верующих (что постоянно может меняться), административно-территориальный статус населенного пункта – места нахождения исправительного учреждения. Нерешенным остается вопрос о правовой принадлежности тюремного храма как объекта собственности. Очевид-

но, требуется разработать законопроект, объединяющий в себе разрозненные нормативно-правовые акты относительно прав осужденных на свободу вероисповедания, где постатейно была бы прописана процедура учреждения культового сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. Тюремь Франции: специальные отделения для радикальных исламистов // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2016. № 3. С. 46–47.
2. Бояринов В. Г. Государственная защита прав лиц, содержащихся под стражей // Уголовно-исполнит. система: право, экономика, упр. 2015. № 4. С. 3–5.
3. Гаджиадамов А. М. Совершенствование социальной работы с осужденными: взаимодействие Русской православной церкви и исправительных учреждений по ГУФСИН России по Приморскому краю // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2017. С. 46–48.
4. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском соборе Русской православной церкви (02.02.2011). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399993.html> (дата обращения: 14.04.2018).
5. Европейские пенитенциарные правила (12.02.1987). Ст. 2, 41–46. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 13.09.2015).
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы по состоянию на 01.02.2018. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 14.03.2018).
7. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.). Ст. 6, 41, 62. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison (дата обращения: 09.09.2016).
8. Мюллер Т. Радикализация заключенных // Ius Publicum et Privatum. 2018. № 1. С. 47–50.
9. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 03.04.2018).
10. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (с изм. на 23.09.2015) : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902241566> (дата обращения: 06.11.2017).
11. Павлушков А. Р. Диалектика тюремного храмостроительства в России в XIX столетии // Вестн. САФУ. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 46–54.
12. Павлушков А. Р. Социально-политическая реальность и пенитенциарная деятельность Русской православной церкви (вторая половина XIX и начало XXI столетий) // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 24–27.
13. Соглашение о сотрудничестве между ФСИН России и РПЦ (22.02.2011). URL: <http://www.t-sluzhenie.ru/node/929> (дата обращения: 15.02.2008).
14. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции и Русской православной церковью. П. 2.1–3.3 // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2000. № 1. С. 2–4.
15. Сысов А. М., Аболмасова Т. Е. Особенности процесса дерадикализации исламских экстремистов, отбывающих наказание в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2017. № 2. С. 26–31.
16. Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов УИС с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями : приказ Минюста России от 21.03.2016 № 67 // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2016. № 6. С. 78–79.
17. Уткин В. А. Минимальные стандартные правила ООН и смена уголовно-исполнительных парадигм // Междунар. пенитенциар. журн. 2016. № 1 (5). С. 67–71.
18. Характеристика осужденных (по состоянию на 01.11.2012) : аналит. материал / под общ. ред. А. В. Быкова. Тверь, 2012. С. 1–42.

REFERENCES

1. Aleksandrov YU. Tyur'my Francii: special'nye otdeleniya dlya radikal'nyh islamistov [Prisons of France: of the special Department for radical Islamists]. Vedomosti ugodovno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2016. Iss. 3. P. 46–47. (In Russ.).
2. Boyarinev V. G. Gosudarstvennaya zashchita prav lic, sodержashchihsya pod strazhej [State protection of the rights of detainees]. Ugodovno-ispolnit. sistema: pravo, ehkonomika, upr. – Criminal-Executive system: law, economics, management. 2015. Iss. 4. P. 3–5. (In Russ.).
3. Gadzhiadamov A. M. Sovershenstvovanie social'noj raboty s osuzhdennymi: vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi i ispravitel'nyh uchrezhdenij po GUF SIN Rossii po Primorskому krayu [Improvement of social work with convicts: interaction of the Russian Orthodox Church and correctional institutions of the main Department of the Federal penal service of Russia in Primorsky Krai]. Vedomosti ugodovno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2017. P. 46–48. (In Russ.).
4. Doklad Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla na Arhierejskom sobore Russkoj pravoslavnoj cerkvi (02.02.2011) [Report of Patriarch Kirill of Moscow and all Russia at the bishops' Council of the Russian Orthodox Church (02.02.2011)]. Availabel at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399993.html> (accessed 14.04.2018). (In Russ.).
5. Evropejskie penitenciarnye pravila (12.02.1987). St. 2, 41–46 [European prison rules (12.02.1987). Art. 2, 41–46]. Availabel at: <http://docs.cntd.ru/document/901732870> (accessed 13.09.2018). (In Russ.).
6. Kratkaya harakteristika ugodovno-ispolnitel'noj sistemy po sostoyaniyu na 01.02.2018 [Brief description of the penal system as of 01.02.2018]. Availabel at: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed 14.03.2018). (In Russ.).
7. Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi (1955 g.). St. 6, 41, 62 [Standard minimum rules for the treatment of prisoners (1955). Art. 6, 41, 62]. Availabel at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison (accessed 09.09.2016). (In Russ.).
8. Myuller T. Radikalizaciya zaklyuchennyh [Radicalization of prisoners]. Ius Publicum et Privatum. 2018. Iss. 1. P. 47–50. (In Russ.).
9. O svobode sovesti i o religioznyh ob»edineniyah : feder. zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ [On freedom of conscience and religious associations : Federal law from 26.09.1997 No. 125-FL]. Availabel at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (accessed 03.04.2018). (In Russ.).
10. Ob utverzhenii Konceptii razvitiya ugodovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda (s izm. na

23 sent. 2015) : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r. [About the approval of the Concept of development of penal system of the Russian Federation till 2020 (as amended on 23.09.2015) : order of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-p]. Availabel at: <http://docs.cntd.ru/document/902241566> (accessed 06.11.2017). (In Russ.).

11. Pavlushkov A. R. Dialektika tyuremnogo hramostroitel'stva v Rossii v XIX stoletii [Dialectics of the prison Church-building in Russia in the XIX century]. Vestn. SAFU. Ser. : Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series : Humanities and social Sciences. 2017. Iss. 5. P. 46–54. (In Russ.).

12. Pavlushkov A. R. Social'no-politicheskaya real'nost' i penitenciarnaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi (vtoraya polovina XIX i nachalo XXI stoletij) [Socio-political reality and penitentiary activity of the Russian Orthodox Church (the second half of the XIX and the beginning of the XXI centuries)]. Sovremennye social'no-ehkonomicheskie processy: problemy, zakonomernosti, perspektivy : sb. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Modern socio-economic processes: problems, patterns, prospects: collection of articles IV International scientific-practical conference. Penza, 2018. P. 24–27. (In Russ.).

13. Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru FSIN Rossii i RPC (22.02.2011) [Agreement on cooperation between the Federal penal service of Russia and The Russian Orthodox Church (22.02.2011)]. Availabel at: <http://www.t-sluzhenie.ru/node/929> (accessed 15.02.2008). (In Russ.).

14. Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru Ministerstvom yusticii i Russkoj pravoslavnoj cerkov'yu. P. 2.1–3.3 [Agreement on cooperation between the Ministry of justice and the Russian Orthodox Church. Paragraphs 2.1–3.3]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2000. Iss. 1. P. 2–4. (In Russ.).

15. Sysoev A. M., Abolmasova T. E. Osobennosti processa deradikalizacii islamskih ehkstremistov, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody v penitenciarnyh uchrezhdeniyah zarubezhnyh stran [Features of the process of radicalization of Islamic extremists serving sentences of imprisonment in penitentiary institutions of foreign countries]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2017. Iss. 2. P. 26–31. (In Russ.).

16. Trebovaniya k sodержaniyu soglashenij o vzaimodejstvii FSIN Rossii i territorial'nyh organov UIS s zaregistrirovannymi v ustanovlennom poryadke centralizovannymi religioznymi organizaciyami : prikaz Minyusta Rossii ot 21.03.2016 № 67 [Requirements to the contents of agreements on cooperation of the Federal penal service of Russia and territorial bodies of the penal correction system from duly registered centralized religious organizations : order of the Ministry of justice of Russia from 21.03.2016 No. 67]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2016. Iss. 6. P. 78–79. (In Russ.).

17. Utkin V. A. Minimal'nye standartnye pravila OON i smena ugovolno-ispolnitel'nyh paradig [United Nations standard minimum rules and changing penal paradigms]. Mezhdunar. penitenciar. zhur. – International prison journal. 2016. Iss. 1 (5). P. 67–71. (In Russ.).

18. Harakteristika osuzhdennyh (po sostoyaniyu na 01.11.2012) : analit. material / pod obshch. red. A. V. Bykova [Characteristics of prisoners (as on 01.11.2012) : analytical report : ed. by A. V. Bykov]. Tver, 2012. P. 1–42. (In Russ.).

УДК 343.344

Объективные признаки незаконного приобретения и изготовления оружия: теория и практика

М. И. МУРКШТИС – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук;

Е. А. САВИНОВА – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье раскрывается содержание объективных признаков преступлений, выраженных в незаконном приобретении и изготовлении оружия (ст. 222, 223 УК РФ). В ходе работы были исследованы законодательство, устанавливающее правила оборота оружия и боеприпасов и предусматривающее применение мер уголовно-правового воздействия за их нарушение, судебная практика и научные труды по означенной проблеме. В результате были определены характер составляющих эти преступления деяний, момент их юридического завершения и особенности уголовно-правовой оценки.

Анализ уголовных дел позволил сделать вывод, что при привлечении виновного к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222 и 223 УК РФ, необходимо тщательно изучать обстоятельства совершения противоправных действий. В частности, в ряде случаев правоприменителями допускаются ошибки и не учитываются положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которыми не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признак какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.